

Бог после Катастрофы 1

Бог после Катастрофы (часть 1) Автор: Джон Фишер (Перевод: А Долбин)

ПРОБЛЕМА

Достоевский писал о том, что вся мудрость философов не в состоянии объяснить смерти одного невинного младенца. Следовательно, кто может взять на себя смелость объяснить смерть миллиона детей? Ни одно высказывание по этому поводу не будет удовлетворительным. Проблема Катастрофы включает в себе парадокс. Она побуждает молчать, и в то же время требует обсуждения. Она неразрешима, но, тем не менее, нуждается в объяснениях.¹

Прежде чем начать рассматривать эту чрезвычайно сложную проблему, необходимо принять во внимание некоторые предостережения.

Я не имею права отвергать веру еще и потому, что среди евреев в лагерях были тысячи, десятки тысяч не усомнившихся в Творце. Они с ужасом покорились воле Бога. Я не могу отвергать веру, потому что это будет осквернением жертвы, принесенной теми, кто принял свой жребий без колебаний. Как я смею колебаться, если они смирились! Но и безропотно молчать я не могу. Я, там не бывший, не смею покориться, потому что мои братья, пройдя сквозь этот ад, восставали и отвергали. Как же я могу слышать об их нечеловеческих страданиях и покоряться?!²

Масштаб и ужасы Катастрофы способны вызвать сомнение в том, что Бог, любящий и добрый, является в то же самое время всемогущим правителем истории, влияющим на события, происходящие в мире. В наш век была поставлена под сомнение вся еврейская традиция прошлого и та вера, которую она пробуждала. Два события: нацистская Катастрофа и возникновение государства Израиль, – радикально изменили все, что было до них. Эти два события побудили многих задуматься над тем, применимы ли сегодня традиционные взгляды на трагедию и зло, или же "вера" предыдущих поколений, по меньшей мере, должна подвергнуться критике. То, что раньше рассматривалось как "правильное" отношение "истинно верующего человека" к происходящим бедствиям, очевидно, больше не имеет силы. Теперь подобное отношение обвиняют в равнодушии, неспособности смотреть фактам в лицо. Почти все стороны, вовлеченные в данную дискуссию, признают, что оставаться безучастным к тем катаклизмам и революционным переменам современной еврейской истории, которые проявились в лагерях смерти Европы и Сиона, – значит проявлять равнодушие не только к ходу истории, ее мученикам и святым, но также, и, прежде всего, к Богу Израиля, открывающемуся нам, главным образом, в историческом пространстве, в котором Бог и человек имеют точки соприкосновения, и которое позволяет нам увидеть, каков Бог, а Богу увидеть, каковы мы.³ Итак, по мере того, как мы пытаемся разрешить проблемы недавней еврейской истории, нашей задачей становится исполнение основного требования еврейской теологии: показать, что понятия Бог и Израиль неотделимы друг от друга. Катастрофа не изменила данное требование. Проблема только в том, как это сделать. Можем ли мы по-прежнему верить в любящего, могущественного Бога, который влияет на ход истории и

предан своему народу Израилю, перед лицом недавних исторических событий? Даже если будут найдены удовлетворительные объяснения, необходимо осознать, что бывают моменты, когда не помогут и самые хорошие объяснения. Тем, кто утратил семью и друзей, нужны не объяснения, а сострадание.⁵

НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ ОТВЕТЫ

Вера несовместима с таким ужасом. Полагающийся на Бога требует от Него справедливости. Верующий не может согласиться с тем, что Бог способен на жестокость... Верующий вопрошает Бога именно потому, что верит.⁶ Даже самые благочестивые люди не могут не признать, что они испытывают огромные трудности в понимании проблемы Катастрофы; в противном случае их нельзя было бы назвать благочестивыми. Хорошим примером служит Иов.⁷ Он бросает вызов Богу, отвергнув доводы своих друзей. Его возмутило, что они защищали зло, доказывая, будто оно и есть справедливость. Они оскорбили достоинство Творца. Бог открывается Иову, отвечает на его вопрос и Иов примиряется со Всевышним (Иов 42:7).

В Библии можно найти два четко различимых уровня понимания проблемы зла и очевидной несправедливости. Первый уровень – уровень веры, который можно проиллюстрировать примером Авраама, решившегося принести в жертву Исаака (Быт. 22), и смертью Рабби Акивы. В этих случаях самой "проблемы", по сути, не возникает. Человек смиряется со страданием, посланным Богом, и даже рассматривает его как "благо" или как возможность прославить Бога.⁸ Другой уровень – это уровень протеста, который можно пояснить следующими примерами: Авраам в ситуации с Содомом и Гоморрой (Быт. 18), Моисей в ситуации с изваянием золотого тельца (Исх. 32), Иов, Аввакум (Авв. 1). В этих случаях мы наблюдаем протест против действий или намерений Бога с целью их изменения, причем подчеркивается праведность Бога и его справедливость.⁹ Однако ни вера, ни протест, фактически, не разрешают проблему. Вера принимает происходящее безоговорочно, тогда как протест – это эмоциональная реакция, когда человек дает выход своим чувствам, в лучшем случае просто констатирует проблему, выражает недовольство, но не предлагает никакого решения.¹⁰

Исторически было выработано несколько подходов к разрешению данной проблемы. Далее следует их перечень:

- (1) Катастрофа подобна многим другим трагедиям, она еще раз поднимает вопрос о теодицее*, но не изменяет суть проблемы и не привносит в ее понимание ничего нового.
- (2) Классическую теологическую доктрину иудаизма ми-пеней хата'эynu ("мы наказаны за грехи наши"), которая была сформулирована в результате более ранних национальных бедствий, можно применить и к Катастрофе. Согласно такому подходу, Израиль согрешил, а Освенцим – справедливое воздаяние.
- (3) Катастрофа – окончательное умилоствление. Израиль является "страдающим слугой (рабом)" из Исайи 53, он страдает и искупает грехи других. Одни люди погибают для того, чтобы остальные могли очиститься и жить.
- (4) Катастрофа – современная Акеда (жертвоприношение Исаака), то есть испытание нашей веры.
- (5) Катастрофа – это временное "затмение Бога". Существуют периоды, когда

Бог по непостижимым причинам не участвует в истории или намеренно прячет Свое лицо.

(6) Катастрофа – доказательство того, что "Бог умер": если бы Бог существовал, Он, безусловно, не допустил бы Освенцим. Но поскольку это все-таки случилось, значит, Его нет.

(7) Катастрофа – высшая степень проявления зла, цена, которую человечество вынуждено платить за свою свободу. Нацисты были людьми, не богами; Освенцим покрывает человека позором, он не имеет никакого отношения к вопросу о существовании Бога и чертах Его характера.

(8) Катастрофа – это откровение, призывающее евреев к самоутверждению. Из Освенцима доносится приказ: "Евреи, вы обязаны выжить!"

(9) Катастрофа – непостижимая тайна; подобно всему, что делает Бог, она превосходит человеческое разумение и требует от нас веры и смирения.¹¹

Помимо этих общих подходов, существуют комплексные ответы, включающие в себя несколько возможных вариантов. Однако ни одно из представленных объяснений нельзя признать адекватным, учитывая то множество вопросов, которое возникает при рассмотрении данной проблемы.¹² Классическое объяснение – "за грехи наши" – в ряде случаев проблематично. Бывает так, что наказание превышает грех, злодеи процветают, а праведники страдают.¹³ Можно несколько усовершенствовать данное объяснение:

(1) Страдание может быть коллективной ответственностью, то есть оно является следствием грехов предков или других членов сообщества, как бы подытоживает счета.

(2) наказание может быть отсрочено: "однажды они свое получают" (сравни Пс.72:18).

(3) На том свете произойдет суд, и тогда справедливость восторжествует.¹⁴

Однако хотя во всем этом и есть доля истины, все же проблемы остаются. Как быть с теми евреями, которых преследовали именно за то, что они или их родители хранили веру и не желали отречься от нее? Ведь именно восточноевропейское еврейское население, то есть наиболее благочестивые евреи, больше всего пострадало в Катастрофе, а не их западные, менее религиозные собратья. Кроме того, какой грех мог бы оправдать такое наказание как Катастрофа? Если истребление шести миллионов человек – это Божье воздаяние, в какого же Бога мы верим? Как бы мы ни изворачивались, стараясь приспособить эту доктрину к Освенциму, это больше похоже на религиозный абсурд и даже на богохульство. Нужно ли применять к конкретным людям понятия "грех" и "возмездие"? Каким кощунством это кажется, когда думаешь о том, что среди нацистских жертв было более миллиона детей! Может быть, стоит относить эти понятия к группам людей? Какая ужасная мысль – ведь больше всего пострадали самые бедные, наиболее благочестивые религиозные еврейские общины, а не еврейские общины Запада, в которых преобладали агностики, неверующие и богачи! В своих мучениях мы обращаемся к последнему средству – к традиционной доктрине о том, что все израильтяне всех поколений несут ответственность друг за друга. Но и здесь нас ожидает разочарование – ни один из шести миллионов не погиб из-за того, что не смог исполнить договор между Богом и евреями, но все они погибли именно потому, что их предки следовали этому договору хотя бы в том, что воспитали детей по-еврейски. Именно в этом пункте мы и доходим до радикального религиозного абсурда.¹⁵

Хотя страдание может быть результатом греха, так происходит далеко не всегда. Согласно Библии и Талмуду, любовь Бога, испытывающая и очищающая, может проявляться и в несчастьях. Как в случае с Иовом, целью страдания может быть не наказание, а наставление.¹⁶ Но разве этим можно объяснить гитлеровский механизм истребления? Видеть какую-либо цель в лагерях смерти означает для традиционного верующего рассматривать самое демоническое и антигуманное событие в истории как осуществление Божьего замысла.¹⁷ Еще одно распространенное решение проблемы заключается в следующем: мы должны просто признать, что пути Бога превосходят человеческое понимание, и что мы имеем дело с тайной. Известный философ Джон Хик красноречиво заметил: Наше "решение" невероятно сложной проблемы чрезмерного и незаслуженного страдания – это открытое признание того, что мы имеем дело с неразрешимой тайной. Подобное страдание остается несправедливым, необъяснимым, жестоким. Тайна дистелеологического* страдания – самая настоящая тайна, которую рациональный человеческий разум не в состоянии постигнуть.¹⁸ Хотя отчасти это утверждение верно, оно не способно полностью нас удовлетворить и может показаться слишком простым ответом, отговоркой.

Мэйбаум выдвинул оригинальную теорию, согласно которой Израиль играет уникальную роль, что подтверждается всей историей. История Израиля свидетельствует о Боге и его замысле. Однако она не изолирована от истории других народов и вершится через взаимодействие с ними. Время от времени это взаимодействие может вызывать хурбан, т.е. разрушительные события, знаменующие окончание одной эры и начало другой. Каждая новая эра приносит прогресс, т.е. движение вперед, поэтому в разрушении есть определенный смысл. Разрушение двух Храмов, как и Катастрофа, были хурбан. Последнее же событие было шагом вперед в том смысле, что оно раз и навсегда положило конец феодальной системе, общественному устройству и мышлению Средневековья.¹⁹ Если даже согласиться с подобной оценкой, все равно остается вопрос: "Стоил ли прогресс подобного разрушения?", и возникает неприязнь к подобного рода "прогрессам".

Еще одна точка зрения состоит в том, что Бог, в какой-то мере, виновен в грехе и нуждается в искуплении. Эта концепция поясняется историей о Леви Исааке из Бердичева. К нему приходит портной и рассказывает о "сделке", которую он заключил с Богом в Йом Кипур. "Но Ты, Господь, Ты совершил множество тягчайших грехов. Ты позволяешь, чтобы умирали младенцам, Ты допускаешь, чтобы бушевали войны, а люди страдали и погибали. Поэтому давай заключим с Тобой сделку. Если Ты простишь меня, я прощу Тебя". Услышав рассказ, Леви Исаак пришел в ярость: "Как ты мог позволить Богу так легко отделаться? Он был у тебя в руках. Ты просил лишь отпущения своих грехов, тогда как мог вынудить Его искупить весь мир".²⁰ Идею о том, что Бог согрешил наравне с человеком и несет на Себе вину, наиболее ясно изложил А. Рой Экхард: "...В конечном счете, ответственность за существование в мире зла несет Бог по той простой причине, что именно Он сотворил мир и именно Он допускает такие чудовищные страдания".²¹

Действительно, в Библии есть случаи, когда человек спорит с Богом или сетует на несправедливость (Иов, Моисей, Авраам). Но в этих случаях всегда находится определенное решение именно потому, что Бог справедлив и поступает

справедливо. Поэтому можно спорить с Богом, прося его вспомнить о Своих обещаниях, о Своей любви. Если же Бога осуждают в несправедливости, где тогда можно найти абсолютный стандарт справедливости и истины? Мы сталкиваемся с той же дилеммой, как и утверждающие о том, что "Бог мертв". Можно добавить к этому следующее: Радикальное толкование Экхарда не приемлемо, поскольку оно выходит за рамки признания господства и любви Бога...Нельзя перекладывать вину за царящую в мире жестокость с человека на Бога. Бог Израиля – это Бог милости, и его вечная благодать сотворила сообщество веры. Но, кроме того, его непрекращающаяся благодать все еще продолжает действовать. Бог, который не остался безучастным к бедствиям Своего народа в Египте и Ханаане, не может быть тем же самым Богом, который совершает геноцид против этого же народа.²²

Из всех еврейских ученых Ричард Рубинштейн наиболее близок к теории о том, что Катастрофа является доказательством "смерти Бога". Эли Визель* выступает с уничтожающей критикой в адрес Рубинштейна. Как странно, что философия отрицания Бога распространяется не теми, кто пережил Катастрофу. Ни один из выдвинувших так называемую теорию "смерти Бога", не был в Освенциме. Те, кто побывали там, молчат. Поверьте, у меня тоже бывают проблемы с Богом. Бывает гнев, внутренний конфликт. Меня преследуют ночные кошмары. Но мое недоумение и сомнения обращены к людям. Я не могу понять, как они могут быть такими "варварами".²³

Столкнувшись с альтернативой: либо согласиться с тем, что в происходивших событиях был какой-то смысл, либо отречься от Бога, Рубинштейн выбрал последнее. Однако отказаться от идеи о том, что история – поле деятельности Бога, означает бросить вызов всей еврейской традиции и библейской точке зрения.²⁴ Кроме того, такое понимание способно породить безысходность и пессимизм относительно нашего будущего, ведь мир находится в руках у людей, которые допустили Катастрофу. Далее, согласно Боровицу, если Бога нет, это значит, что все дозволено, и мы не имеем права возмущаться по поводу происходящего. То, что происходило в лагерях смерти, было лишь отражением реальности, а не нарушением какого-либо стандарта справедливости.²⁵ Если довести позицию Рубинштейна до логического завершения, то получится, что она, в конечном счете, оправдывает нацизм. Если нет высшего судьи, бытие принципиально бессмысленно. Человек сам создает ценности, и каждый, включая Адольфа Гитлера, может это сделать. В мире, где все зависит от человеческого выбора, ценностью может стать все, что угодно. "Человеческие" ценности Гитлера тоже имеют "моральное" право на существование.²⁶ Если Бог умер, тогда Освенцим и Треблинка не должны вызывать недоумения – они имели право на существование.

Если нет никакого стандарта святости, превосходящего человеческое понимание и распространяющегося на всех людей, тогда почему бы сильным мира сего не править, не мучить, не уничтожать? Если Бог умер, тогда, как сказал Иван Карамазов, все позволено. Мы, люди, живущие в двадцатом столетии, на практике показали, что это может означать. Однако еврейскому народу известно, что история – это не только дом рабства. В Египте мы стали народом и дали клятву Богу у горы Синай, чтобы весть об избавлении, какой бы туманной и непонятной она не казалась в ту или иную эпоху, никогда не была забыта людьми. До тех пор, пока мы существуем в истории и остаемся верными Богу, люди не могут

игнорировать Его. Вот почему они ненавидят нас и пытаются нас уничтожить. ...Отвергая Бога и, таким образом, признавая законность любого порока, мы надеемся стать более честными с самими собой – но разве при этом честность не перестает быть добродетелью? И разве наше отвержение вернет к жизни шесть миллионов?²⁷

Мартин Бубер* рассматривал теорию "затмения Бога".* Это предположение послужило основой для некоторых других попыток объяснить проблему. Иными словами, мера страдания и зла в мире настолько велика, что за всем этим не видно Бога, его участия в происходящем.²⁸ Это, по-видимому, означает, что мы должны сохранять веру в Бога, даже если многого не понимаем. Такое мнение сопряжено с рядом проблем. Теория "прячущегося Бога" представляет собой попытку совместить несовместимое: Бог является Богом истории, но в некоторых случаях он в ней не участвует; определенные события происходят без его вмешательства, но при этом все под его надзором.²⁹ К такой ситуации некоторые могут с успехом применить 3 Царств 18:26–29. Можно говорить о том, что жертвы Катастрофы "взывали", но "никто не ответил, никто не услышал", так как Бог скрывался от них. А какой-нибудь циник добавит, что Бог "или задумался, или занят чем-либо, или в дороге, или же спит, и Его нужно будить". Тот факт, что Бог прячется или не принимает участия в подобной ситуации, свидетельствует против Него, по крайней мере, так было в случае с Илией на горе Кармил. То есть если бы Бог не скрывался во время Катастрофы и вмешался бы в происходящее, евреи не были бы уничтожены. Но так как этого не произошло, Бог должен оправдаться, Он должен ответить за Свое отсутствие, Свое неучастие, Свое невмешательство.³⁰

Эмиль Факенгейм* видит присутствие Бога в Освенциме. По его мнению, из Освенцима Бог обращается к своему народу "повелительным голосом". Евреям запрещается дарить Гитлеру посмертные победы. Им повелевается выжить, дабы народ еврейский не погиб. Им повелевается помнить о жертвах Катастрофы, дабы не погибла память о них. Им запрещается разочаровываться в людях и искать выход в цинизме или отрешенности, дабы они сами не содействовали тому, чтобы мир оказался в руках у людей, породивших Освенцим. Наконец, им запрещается терять надежду на Бога Израиля, дабы не погиб иудаизм...Подобная ситуация совершенно немыслима. Еврей не должен содействовать Гитлеру в его попытке уничтожить иудаизм, сам прикладывая усилия к его уничтожению. В древние времена самым ужасным грехом для еврея было идолопоклонство. В наши дни таким грехом является помощь Гитлеру в осуществлении того, к чему он стремился.³¹

Подобные чувства похвальны. Факенгейм прав в том, что мы не должны оставлять веру только потому, что не можем полностью разобраться в проблеме зла. Но возникают следующие вопросы. Разве выживание является новой заповедью? Разве оно не включено в число 613 заповедей? Разве может желание досадить, бросить вызов силам, породившим Освенцим, быть достаточной причиной для того, чтобы сохранять веру? Неужели он призывает к упрямому следованию традициям только потому, что отказ от них приведет к окончательной победе зла? Этим не оказывается ли Гитлеру и силам зла больше чести, чем они того заслуживают? Это похоже на то, как если бы какой-то человек убеждал себя не оставлять свою жену, которую изнасиловали, только потому, что оставить ее означало бы доставить удовольствие насильнику.³² Похоже, что ни одна из рассмотренных попыток

разрешить проблему не представляется достаточно убедительной. Выходит, наши вопросы остаются без ответов? Вовсе нет.

ОПРОВЕРГАЯ НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Нам известны многие случаи, когда евреи оставались верными традициям и прославляли Бога даже перед лицом смерти.* Это заставляет нас поверить в то, что существует какое-то объяснение данной проблемы, которое удовлетворило бы каждого в отдельности. Мы не должны торопиться критиковать этих людей за их непоследовательность, за то, что они безропотно пошли на смерть, не будучи виновны в чем-либо. Их собственные объяснения подверглись решающему испытанию – им пришлось пожертвовать своей жизнью.³³ Нельзя не принимать во внимание их благочестивое поведение, и даже ту радость, с которой подчас они принимали происходящее. Если козни Гитлера – это довод в пользу того, что Бога нет, как же тогда быть с благочестием, нравственным величием, верой и безгрешностью жертв? Это также следует учитывать.³⁴

В связи с этим возникает вопрос о том, какие "факты" следует брать во внимание при создании схемы, при помощи которой можно "объяснить" Катастрофу. Нередко индивидуальные предположения или методология оказывают влияние на сами "факты". Если начинать исследование с различных предположений и брать за основу разные отправные точки, можно в результате прийти к различным выводам. Кроме того, поскольку Освенцим поднимает одни из основополагающих, и в то же время наиболее трудных вопросов бытия, ответы и схемы непременно будут фрагментарными, неполно отражающими всю картину событий.³⁵ Предложенные ранее объяснения могут быть вполне приемлемыми, если учитывать их исходные посылки. Мы же можем взять за основу совершенно иные посылки, подвергнув сомнению те, что были выдвинуты ранее, но и они могут оказаться недостаточно вескими. Если зайти в своих рассуждениях еще дальше, можно обнаружить логическую ошибку, таящуюся в любой попытке объяснить наличие зла. Стремясь оправдать Бога вселенной, мы можем оказаться виновными уже в том, что ставим его на один уровень с миром, пытаемся понять его человеческим разумом, что, в лучшем случае, просто неприемлемо.³⁶ Библейские мужи осознавали, что далеко не все можно объяснить, и могли смириться с этой мыслью.³⁷ Моисею Бог открылся как Эхье ашер эхье. ("Я есмь то, что Я есмь", "Я есмь сущий") Мы должны искать Его, поскольку Он здесь, с нами, или же мы не узнаем, каков Он на самом деле.³⁸

Это подводит нас к осознанию того, что значит для Бога "отсутствовать". Бог, по всей вероятности, присутствовал в происходившем, "открылся" в событиях Катастрофы, но сделал это таким образом, который не соответствовал нашим ожиданиям. В результате, мы вполне могли и не "увидеть" Его.³⁹ Бог может присутствовать, не действуя, или же действовать такими способами, которые находятся за пределами возможных объяснений и определений, и именно поэтому мы можем не осознавать Его присутствия. Потому, возможно, нам не остается ничего другого, как попытаться вновь обрести Его при помощи современного понимания истины и общепринятых моральных критериев. Как же быть, если способ мышления современного мирского человека исключает всякую возможность существования Бога? В таком случае мы должны выяснить, откуда можно знать наверняка, что это единственный возможный способ познать истину, способ настолько верный, что человек может смело предстать перед самим Богом

и заявить: "Если Ты не будешь отвечать нашим требованиям, тогда Ты просто не можешь существовать!"⁴⁰ Этот принцип остается в силе, когда речь заходит о существовании Бога, о Его справедливости или о Его участии в происходящем. Как пронизательно заметил Факенгейм,⁴¹ человеку нужна определенная перспектива, чтобы слышать голос Бога или видеть Его присутствие. Скептицизм – это здравый подход, но порой он может помешать нам увидеть что-то важное. Мы, религиозные люди, не очень-то глубоко верим, не так ли? Мы не очень многое делаем из того, во что верим, не так ли? В своих поступках мы не очень сильно отличаемся от остальных людей... В самом деле, говорить о Боге... сегодня довольно трудно. Изумление и благоговение мы вытеснили верой в то, что все возможно или станет возможным объяснить посредством математической формулы. И мы больше не удивляемся и не радуемся тому, что объяснения вообще возможны или даже тому, что мир существует... Нам неловко говорить о Боге, нам становится стыдно, когда кто-то видит, как мы на практике исполняем то, во что верим.⁴²

Хотя дискуссия по поводу того, является ли Освенцим уникальным явлением в еврейской истории или же это очередное звено в длинной цепи трагических событий, все еще не прекращается, по всей видимости, доля истины присутствует в той и другой точке зрения. Тем не менее, при критическом подходе, проблема теодицеи остается неизменной независимо от количества невинно пострадавших. Те, кто ставят под сомнение справедливость и милосердие Творца из-за страданий шести миллионов, могут задать те же вопросы в связи с муками одного невинного младенца. В том и другом случае вопрос один и тот же: как мог Бог допустить подобное? Разве это не противоречит Божьему провидению и совершенству?⁴³

Как можно сравнить страдание одного человека и множества людей? Кто посмеет поставить на одну доску смерть одного ребенка и гибель полутора миллионов еврейских детей?! Если мы судим деяния человека, то подобные сравнения недопустимы. Тогда имеют смысл утверждения о большей или меньшей несправедливости. Трагедия одного человека несопоставима с мучениями миллионов. Вина убийцы одного человека отлична от вины убийцы многих людей. Нет более ужасного преступления, чем планомерное уничтожение нацистами евреев. Но когда речь заходит о деяниях совершенного Бога, мы сталкиваемся с абсолютными категориями. Страдания одного невинного так же непостижимы, как страдания миллионов. Разницы нет не потому, что страдания миллионов значат так мало, а потому, что абсолютно справедливый Бог не может быть "чутьточку" несправедливым. В сфере абсолютного мельчайшая несправедливость становится абсолютной.⁴⁴ Стоит серьезно рассмотреть и некоторые другие предположения.

Многие люди придерживаются мнения, что верность Богу должна способствовать благу человека, что вера непременно должна "окупаться".⁴⁸ Может быть, это и интересная точка зрения, но так ли уж она бесспорна? Более правильным решением было бы отказаться от подобного понимания веры, согласно которому Бог обязан содействовать благополучию верующего человека. Договор веры в радости и в горе остается неизменным. Со стороны Бога он не ограничен условиями и нами также должен приниматься безоговорочно. Если таково правильное понимание веры, понимание подлинного библейского смысла обязательств по отношению к Богу, тогда отказываться от веры только по причине

осознания трагедии Катастрофы было бы глубоко непоследовательным шагом. Не Божью любовь мы должны подвергнуть сомнению, а наше собственное понимание веры и своих обязательств перед Богом. И все же было бы неверно полностью отвергать идею о том, что вера связана с благами, даруемыми Богом. В еврейской традиции в особенности виден здравый подход к благам этой жизни, и обособлять веру от надежды на благополучие, приходящее от Бога, было бы более чем нежелательно. Библейские писания изобилуют обещаниями, описывающими грядущие блага. Эти ожидания вовсе не являются несовместимыми с наличием зла и страданий... надежда на то, что преданность Богу и вера станут залогом будущих благ, ...не противоречит безрадостному настоящему, трагическим смертям, страданиям невинных...

Отсюда можно сделать два различных вывода. Первый – верующий человек признает, что Бог благ. Это признание может означать только одно – Бог благ по отношению к нам, людям. Но в то же самое время, верующий человек не станет использовать проявления Божьей доброты в качестве условия своей веры. Тем не менее, помня о прежних действиях Бога и о дарованной надежде, человек связывает с Богом свое благополучие. Бог действовал в прошлом как творец, хранитель, искупитель. В последние же дни мы увидим оправдание, справедливость, вознаграждение, ибо в полном присутствии Бога страдание прекратится, мертвые воскреснут, и человечество обретет высшее благо. Однако мы должны оставаться верными Богу независимо от соотношения добра и зла в настоящее время.⁴⁹

Еще одно предположение, редко подвергаемое сомнению, состоит в том, что участие Бога в истории является гарантией того, что худшего не произойдет. "Бог не допустит ядерной катастрофы, массового геноцида, вымирания населения в связи с истощением природных ресурсов или загрязнением окружающей среды". Подразумевается, что Бог "чудесным образом" нейтрализует разрушительную силу человека, забирая у него из рук то, что может принести вред. Но именно человек должен предотвращать подобные явления, и он несет на себе вину за свои поступки. Участие Бога в истории не снимает ответственность с человеческих плеч.⁵⁰

В то же самое время не следует забывать о том, что в истории, творимой Богом, не было событий, которые можно было бы назвать полностью разрушительными. Провидение Бога выходит за рамки происходящего в данный момент. Нужно учитывать, что некоторые явления могут в конечном счете содействовать благу человека. Разрушение Храма и изгнание, таким образом, рассматривались не как всецело разрушительные события, а как средство, при помощи которого можно было вернуть Израиль к Богу. Предположение о том, что действия Бога могут привести к окончательному уничтожению человечества, совершенно неприемлемо. Бог ожидает от людей проявления любви и сострадания к окружающим. Когда они поступают так, Бог прославляется. Когда они отказываются это делать, Божья "милость" отвергается и становится тщетной. Такое понимание вынуждает нас переоценить то, кому же следует приписывать ответственность за зло и страдания. Если Бог – тот, кто дарует милость, дары и способность поступать правильно, тогда нельзя обвинять его в несправедливости и нарушении нравственных стандартов из-за того, что эти "дары" не используются.⁵¹

Но есть и другая сторона подобного понимания роли провидения. Если провидением можно считать только позитивные явления и подлинно нравственные решения, как же тогда быть со всем негативным? В этом случае верующий обычно говорит только о разрушительной силе человека или признает свою неспособность понять... Мы не можем заявлять о том, что видим руку Божию в истории, которая вершится запятнанными кровью руками человека... Катастрофа... должна рассматриваться не как осуществление Божьей воли, а как последствие свободного выбора людей, которые уже не считают себя Божьими детьми и не скорбят о бедствии Иосифа (ср. Амос 6:16).⁵²

Некоторые, вероятно, полагают, что участие Бога в истории снимает с человека ответственность за ход исторических событий. Это предположение указывает на глубокую непоследовательность между тем, что мы приписываем Богу, и тем, что оставляем за собой. Обычно человек берет на себя всю ответственность за собственные поступки и не винит Бога за свои недостатки. При этом вина за более значительные события – войны и те страдания, которые они влекут за собой, преследования, угнетение, – возлагается на Бога, особенно когда речь идет о глобальных катастрофах. Такой подход лишен логики и снимает с человека ответственность за происходящее, хотя отвечать должен именно он. Поскольку подобные явления являются результатом злых деяний человека, было бы логичнее видеть причину в его ошибках, несовершенстве, порочности. Если мы виновны в собственных нравственных прегрешениях, тогда целые народы – состоящие из отдельных личностей, ответственных за свои поступки, – также должны отвечать за свои деяния, и вина лежит на них, не на Боге. Таким образом, было бы уместно отметить, что, хотя По мнению человека, Бог покинул его и оказался неверным своему договору, тем не менее, по мнению Бога, именно человек, с презрением отвергший Его слово, покинул Его. (Ср. Пс. 80:1–16).⁵³

Можно также продолжить фразу: "и несет моральную ответственность за свои поступки и за свою жестокость, как на индивидуальном уровне, так и на уровне наций". Хотя можно предположить, что ответственность человека за свои поступки и провидение – две взаимоисключающие вещи,⁵⁴ это не так. Например, первой Пасхи и последующего Исхода могло бы и не быть, если бы люди в то время не повели себя со всей ответственностью, следуя Божьим указаниям. В отношении Катастрофы это означает, что те христиане, которые помогали евреям... объяснили бы подобные действия не только собственным желанием помочь, но и Божьей благодатью. И наоборот, там, где подобная помощь отсутствует, благодать самого Бога подвергается сомнению. И подобные препятствия Божьей благодати имели место – не только по причине страха или равнодушия, но из-за ошибочной теологии и этики, в которой политический протест и заступничество считаются неприемлемым пониманием христианского долга и Божьего провидения.⁵⁵ В свете предыдущих размышлений, следует упомянуть о том ключевом вопросе, который поднимается Катастрофой. Исследуя Катастрофу, правомернее спросить "Где был человек?", а не "Где был Бог?". Участие Всевышнего в историческом процессе – сложная теологическая проблема, а вот участие в нем человека в качестве носителя морали видно невооруженным взглядом.⁵⁶

[\[Закреть окно\]](#)

Бог после Катастрофы 2

Бог после Катастрофы (часть 1) Автор: Джон Фишер (Перевод: А Долбин)

НЕКОТОРЫЕ ШАГИ НА ПУТИ К ВОЗМОЖНОМУ РЕШЕНИЮ

Псалмопевец рассматривал зло как искажение замысла творения, а не как часть изначального творения, или космоса. Зло не являлось результатом деятельности божества. Оно стало продуктом злоупотребления человеком свободой выбора между добром и злом. Избрав зло, человек отвернулся от Бога.⁵⁷ Эта точка зрения играет немаловажную роль для понимания проблемы. Истоки зла следует видеть в злоупотреблении человеком своей свободой. Отвергнуть подобное предположение – значит согласиться с тем, что существует некая реальность за пределами "человеческого" бытия, где нет возможности выбора и принятия решений.⁵⁸

Когда выбор есть, всегда наличествует и возможность неправильного выбора, таким образом: "Зло является логическим и онтологическим следствием нарушения человеком нравственного порядка".⁵⁹

Идея человеческой свободы для иудаизма не нова. "Как свидетельствует опыт и как учит иудаизм, божественное руководящее Присутствие не подавляет свободу человека, а возвышает ее".⁶⁰ Бог предоставляет человеку полную свободу выбора и не вмешивается даже тогда, когда человек избирает для себя зло и страдание.⁶¹ Как правило, Бог не вмешивается в тех случаях, когда выбор человека ему не угоден. Если бы Бог вмешивался в происходящее, это, бесспорно, предотвратило бы последствия злых деяний человека, но тогда возможность добра также была бы исключена. Если бы Бог не признавал за человеком право избирать для себя свой путь и брать на себя всю ответственность, тогда с лица земли исчезли бы не только понятия добра и зла, но и сам человек как таковой. Свобода и ответственность являются неотъемлемыми свойствами человеческой природы. Лишите его этих свойств – и он перестанет быть человеком в подлинном смысле этого слова. Если Бог хочет, чтобы человек существовал, Он обязан дать ему свободу выбора. Используя эту свободу, человек часто выбирает не тот путь, который следовало бы. И тогда невинные страдают. Человек должен быть свободен, чтобы оставаться человеком, но свободой очень легко злоупотребить. Поскольку Бог терпелив по отношению к нечестивому человечеству, страдания невинных людей неизбежны. При этом может показаться, что Бог, позволяя человеку пользоваться своей свободой и нести ответственность за свои поступки, будучи терпелив и снисходителен к нечестивцам, глух к мучениям угнетаемых.

Налицо парадокс – человек не сможет быть свободным, если Бог будет абсолютно справедлив. Если Божья любовь превосходит требования абсолютной справедливости, тогда должны существовать страдания и зло. Тем не менее, хотя Бог не должен "присутствовать", чтобы не лишать человека свободы, при этом Он не должен и "отсутствовать", чтобы сохранить первоначальный смысл творения и не допустить окончательного разрушения.⁶² Творец ждет, пока грешник найдет свой путь к Нему. Именно так мы представляем замысел Бога. Мы счастливы, что Бог обладает таким качеством. При этом мы не осознаем, что пока Бог проявляет

терпение, злодеи продолжают творить на земле свое черное дело, и в результате страдают невинные. Пока Бог ждет, чтобы грешник повернулся к Нему лицом, в мире властвует насилие. Но, по-видимому, выбора нет. Раз человек существует, Богу приходится его терпеть. Это неизбежный парадокс Провидения. Пока Бог терпит грешника, Он не помогает жертве; пока Он милостив к злодеям, Ему приходится игнорировать жалобы угнетаемых. Это великая трагедия бытия: милосердие Бога, Его долготерпение, любовь к человеку приводят к тому, что Он вызывает у людей ощущение, что они покинуты на произвол судьбы. Они думают, что Всевышний безразличен к человеческим страданиям. А ведь причина страданий – не что иное, как забота Бога о грешнике!⁶³

Даже Талмуд наглядно изображает любовь Бога по отношению к нечестивым. Мидраш рассказывает, что когда воины фараона тонули в Красном море, ангелы на небесах приготовились петь свою ежедневную хвалу Всевышнему. Но Господь их остановил: "Творения рук Моих тонут в море, а вы собираетесь восхвалять Меня?!"⁶⁴ Тем не менее, как верно отмечал Беркович*, подобное понимание несколько нелогично. Раз человек свободен, сам отвечает за свои поступки, он не должен быть подавлен ощущением Божьего превосходства. Бог вынужден самоустраниться из истории. Но, получив свободу, человек может созидать и может разрушать. История показывает, что, неосторожно пользуясь предоставленной ему свободой, человек в состоянии сам себя уничтожить. Бог же, рискуя связаться с человеком, не может теперь сбросить с Себя ответственность за него. Если нельзя допустить, чтобы человечество самоуничтожилось, Бог обязан сохранить Свое присутствие в мире. С другой стороны, необходимо оставить человеку свободу выбора. Таким образом, чтобы человек был свободен, Бог должен уйти из истории; чтобы человек не погиб из-за трагической абсурдности собственных деяний, Бог должен присутствовать. Бог должен одновременно присутствовать и отсутствовать в созданном Им мире. Бог прячет Свое лицо. Он присутствует, но так, чтобы не быть заметным; отсутствует, но так, чтобы не стать безнадежно недоступным. Одни находят Его даже в Его отсутствии; другие не видят Его, когда Он рядом. "Соккрытие лица" порождает страдания невинных, но, благодаря тому, что Бог никогда не оставит человека, зло никогда не восторжествует окончательно.⁶⁵

Итак, можно было бы весьма точно заметить: "Бог действует в тесных рамках необходимости осуществлять Свои божественные цели и уважать при этом свободу воли человека".⁶⁶ Применив этот принцип к Катастрофе, можно сделать вывод о том, что Бог дал людям и нациям возможность принимать ответственные решения и действовать справедливо без Его вмешательства. При этом Бог так или иначе управлял политическими обстоятельствами, которые приняли такой оборот, что в конечном счете привели к разгрому Гитлера, хотя изначально все было направлено на то, чтобы позволить Гитлеру расправиться с евреями. На самом деле сила Бога заключается в Его долготерпении по отношению к грешникам. Всемогущему Богу нетрудно проявить Свою неограниченную власть над миром. Однако ограничить Свою власть, когда власть безгранична, – в этом и заключена сила Всевышнего.⁶⁷ В то же время способность сохранить человечество от самоуничтожения и при этом осуществить собственные цели в мире, особенно если это касается выживания еврейского народа, также свидетельствует о могуществе Бога, о чем говорится в Талмуде: В том и состоит подлинное могущество, что Он сдерживает Свои побуждения и проявляет долготерпение к

нечестивым. Само по себе это является доказательством Его могущества; ибо если бы не страх перед Ним, как мог бы один народ (Израиль – прим. автора) уцелеть среди остальных народов?⁶⁸

Идею о том, что Бог дарует человеку свободу принимать собственные решения, можно сравнить со взаимоотношениями родителей и детей. Этот пример раскрывает еще один важный аспект понимания того, что же происходило во время Катастрофы. Бог знает, что человек противится Его требованиям, Его руководству, Его законам, как любой ребенок сопротивляется чрезмерной родительской опеке и наставлению. Потому Бог говорит: "Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека (не Бога)" (Быт.9:6). Другими словами, человек сам руководит своими действиями, Бог не станет вмешиваться. Подобно родителю, наблюдающему за тем, как его дитя злоупотребляет своей свободой, избирает тернистый, а иногда трагический путь, Бог должен с болью смотреть на Своего спотыкающегося, падающего, истекающего кровью ребенка, и, подобно родителю, Он должен разделять несчастья своих детей; Он должен чувствовать ту же скорбь, что и они.⁶⁹

Таким образом, если мы изменим угол зрения и посмотрим на данную ситуацию глазами Бога, то увидим совсем иную сторону картины. Окажется, что библейский период и последующая история – это повествование о том, как Бог возлагал определенные надежды на человека, и как человек не оправдывал эти надежды, что заставляло Бога вновь и вновь в нем разочаровываться. Потому Бог созерцает мир с глубокой печалью и скорбью, видя, как Его дети сами причиняют себе вред и идут к гибели.⁷⁰ Потому мы можем сказать, что Бог отождествляет Себя с теми, кто страдает. Их страдание – это Его страдание, их скорбь – это Его скорбь, их боль – это Его боль. Он плачет вместе с ними, о них, оплакивает их. Как отметил Беркович, Бог не может пострадать от вражды к Нему человека. Всевышний страдает из-за того, что человек делает зло своему ближнему. Он льет слезы из-за мучений невинных. Он не обращает свой гнев на нечестивцев и проявляет терпение по отношению к ним, страдая вместе с жертвами, которые расплачиваются за Его же долготерпение и милосердие.⁷¹ Крайнее проявление иррационального зла, которым является Катастрофа, не было обусловлено, оправдано или навязано Богом. При этом вера может увидеть, что Бог разделяет страдания человека, вызванные этим необъяснимым злом.⁷²

Идею о том, что Бог страдает вместе со Своим народом, можно найти и в раввинистической литературе. Описывается, как Бог скорбит по поводу разрушения Храма: Разве не Мой Храм разрушен и не Мои ли дети закованы в цепи? Я сокрушаюсь, как написано: "Я сокрушаюсь вместе с ними".⁷³ Подобно этому, можно обнаружить, что, куда бы не изгонялся Израиль, Шехина*, если можно так выразиться, шла в изгнание вместе с ними.⁷⁴ Можно даже сказать, как это сделал Тифель⁷⁵, что Бог погибает вместе со Своим народом, имея в виду не "окончательную смерть" Бога, а Его отождествление с народом. Сцена повешения ребенка из книги Эли Визеля "Ночь" иллюстрирует это следующим образом: "Позади меня тот же человек спросил: <Да где же Бог?> И голос внутри меня ответил: "Где Он? Да вот же Он – Его повесили на этой виселице..."⁷⁶ Это отождествление Бога со Своим народом и сострадание к нему, к его несчастьям, является отражением Его доброты и любви. Возможно, присутствие Бога можно увидеть и в другом. Иудаизм...нашел Бога, как говорит нам Библия, в еврейской истории, в реальности событий, пережитых Израилем, в могучей простертой руке,

которой только и возможно объяснить возникновение народа, его исход, его законы и его вождей. Ибо на протяжении тысячелетий, в библейский период и период Талмуда, евреи каждый праздник вспоминали великие исторические события, в которых открывался им Бог...Они знали Бога, поскольку были евреями – это действительно настолько просто и нефилософично.⁷⁷

История еврейского народа и само его существование свидетельствуют на присутствие Бога в истории. Как доказывал Факенгейм⁷⁸, ряд необыкновенных по своей значимости событий повлек за собой возникновение еврейского народа. Эти события определили дальнейшее его развитие и до сих пор влияют на его историю, свидетельствуя о том, что Бог верен Своему народу. Выдающимися примерами, безусловно, можно назвать Исход и дарование Торы. Эти события также демонстрируют присутствие Бога в мире и заверяют нас в том, что Он по-прежнему наблюдает за всем, что происходит с Его народом. Думая о Катастрофе, мы должны помнить, что на ней не замыкается вся еврейская история. Проблему веры в аспекте Катастрофы нельзя рассматривать так, будто у евреев не было прошлого и не будет будущего, за которое до определенной степени они сами в ответе. Освенцим – это еще не вся история Израиля, не весь еврейский опыт. История евреев немыслима без деяний праотцев, Исхода из Египта, Синайского откровения, проповедей пророков. Можно, конечно, секуляризировать историю Израиля и отрицать воздействие на нее Провидения, но это никак не связано с Катастрофой... Если вера в Божье откровение ни на чем не основана, то отнюдь не Освенцим этому виной. С другой стороны, если Божье присутствие в истории – достоверный факт, то Катастрофа не должна оказать на него никакого влияния... Нет, Катастрофой не исчерпывается вся еврейская история. Силам тьмы не удастся "окончательно решить еврейский вопрос". Еврей, знающий о Божьем присутствии, почувствует Его заботу в тот момент, когда будет казаться, что Всевышний покинул Свой народ.⁷⁹

Тот факт, что еврейский народ уцелел после Освенцима, показывает, что Освенцим не абсолютен, а также дает надежду на то, что вопросы, остающиеся сейчас без ответов, найдут свое объяснение в будущем, в том избавлении, которое совершит Бог.⁸⁰ Мэйбаум выдвигает интересную теорию, основываясь на пророчествах Исайи, на фразе "остаток вернется". Хотя одна треть еврейского народа была уничтожена, две трети выжили. Он считает это избавление таким же великим чудом, как переход через Красное море, учитывая намерения авторов "окончательного решения" еврейского вопроса. Это подлинное избавление. А если это так, тогда спасению большинства следует уделять не меньше внимания, чем гибели меньшинства.⁸¹ Нельзя забывать, что несмотря на молчание Бога, мы слышим Его голос, несмотря на видимое отсутствие Бога в истории, мы знаем, что Он здесь. Наш противоречивый опыт вносит хаос в наши мысли.⁸²

Влияние, оказанное Израилем на мировую историю, наряду с самим фактом существования и неуничтожимости еврейской нации, можно объяснить только вмешательством Бога. Это и есть признак Его присутствия в истории.⁸³ По логике мирового исторического процесса кажется фантастичной сама мысль о народе Бога, живущем по данным свыше законам морали. Весь ход истории этому противоречит. Если бы речь шла только об идее, философии, то исторические факты превратили бы ее в абсурд. Но в нашем случае сама "фантастическая идея стала фактом истории. Народ Бога в самом деле существует и оказывает огромное влияние на историю, демонстрируя загадочную способность к

выживанию. Это не укладывается ни в какие теоретические рамки, но, тем не менее, остается историческим фактом.⁸⁴

Если при этом принимать во внимание попытки уничтожить еврейский народ, предпринятые Фараоном, Аманом, Антиохом, а также многими другими личностями на протяжении истории, эта теория, наряду с вытекающими из нее выводами, становится еще более понятной и правдоподобной. Несмотря на то, что Бог не полностью использует свое могущество, Он все-таки руководит историей. В этом состоит причина выживания нации и существования современного государства Израиль. Евреи выжили, хотя подвергались преследованиям и сами по себе были бессильны. Бог защищал их, хотя и не демонстрировал открыто свое всемогущество.⁸⁵ Но один маленький народ, постоянно находящийся на грани уничтожения, влияет на мировую историю совершенно непропорционально своей численности и материальной мощи. Разве это не доказывает, что Бог все-таки занимается делами людей? Путь Самого Бога в истории связан с историей Израиля. Только Израиль свидетельствует о присутствии Всевышнего в истории.⁸⁶ Почему Гитлер и его многочисленные помощники уничтожали евреев? Не из-за того, что сделали евреи. Не по политическим, экономическим или военным причинам. Евреи уничтожались просто за то, что были евреями. Это особый народ, народ отделенный, народ избранный, взявший на себя обязательства перед Богом. Евреи – это живое свидетельство о Господе, который является правителем всей вселенной и который осуждает национальный шовинизм и идеологическое идолопоклонство. Бунт против Бога, идолопоклонство, практикуемая ненависть к Богу – вот то, что заставляет Бога страдать. Бог страдает от того факта, что Его собственные творения не хотят иметь с ним ничего общего, упрямо создавая собственных богов. Евреи же, будучи Божьим народом, разделяют эти страдания. Евреев ненавидели и уничтожали потому, что ненависть была направлена на Бога и, если бы это было возможно, люди уничтожили бы Его.⁸⁷

Существование еврейской нации – это красноречивое свидетельство существования Бога, присутствующего в истории и управляющего ею. Возникает неизбежный вопрос: "Что значит быть евреем после того, что произошло в Освенциме?". Под этим подразумевается также суть взаимоотношений между Богом и человеком. Однако, как четко отметил Кац, дискуссия не должна прекращаться в этом пункте. Все возможные ответы должны оставаться открытыми, при этом следует принимать во внимание полярные аспекты современной ситуации, не забывая о "чуде", которым является существование государства Израиль. Вполне возможно, что Бог обращается к людям, пережившим Катастрофу, через призму этого факта.⁸⁸ Нельзя не упомянуть в дискуссии о Катастрофе Израиль. Это современное чудо, это яркий пример способности еврейской нации к выживанию вопреки происходящему в истории, свидетельствующий во всеуслышание о Боге, о Его "чудесном", но "бессильном" руководстве историей. Государство Израиль помогает нам понять, какую роль играет Бог в истории, включающей в себя Катастрофу, и дает нам надежду на будущее. Все же, независимо от того, что еще может преподнести история рабства, евреи могут по-прежнему надеяться на то, что Бог будет на их стороне. Он был на стороне их отцов. Он и в этот раз был на их стороне. Они верят в то, что Он поступит так и с их детьми, и детьми их детей, как и обещал. Его договор с Израилем остается неизменным.⁸⁹

Тем не менее, со всей честностью следует признать, что невозможно полностью ответить на все вопросы так, чтобы все были удовлетворены. Возможно, именно в этом пункте было бы уместно говорить о тайне, после того, как все трудные вопросы были заданы, после того, как были рассмотрены различные точки зрения и предложены все возможные объяснения. В конце концов, всегда наступает момент, когда мы, люди, вынуждены признать, что, будучи ограниченными существами, не можем полностью понять безграничного Бога. Может быть, данная притча пояснит проблему, с которой мы столкнулись. В одной из дальних галактик космоса существует двухмерный мир, Планус. Планус населен существами в виде квадратов. Однажды жители планеты знакомятся с кубом. Описывая себя, он говорит о том, что наряду с длиной и шириной имеет высоту, имеет шесть граней, но при этом остается одним предметом. Квадраты многого не смогут понять из того, что пытался им пояснить куб, поскольку у них отсутствует третье измерение, без которого невозможно понять его слова. Мы же, будучи ограниченными, сталкиваемся с той же проблемой, пытаюсь понять Безграничное.⁹⁰ Говорить о тайне в таком смысле – не значит найти отговорку, отказаться от попыток разрешить эти сложные вопросы. Это признание того, что мы не сможем достигнуть исчерпывающего понимания всего, что имеет отношение к Богу. Мы лишь можем предложить возможные схемы или принципы, насколько нам позволяют наши способности.

ОТВЕЧАЯ НА ВОЗМОЖНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

Размышляя об Израиле, правомерно было бы задать следующий вопрос: является ли существование государства Израиль залогом безопасности еврейского народа? Или, в свете нашей темы, выживет ли само государство Израиль? Прежде всего, мы не говорим о том, что государство Израиль является гарантией выживания еврейской нации. Существование современного Израиля, или, выражаясь точнее, тот факт, что современное государство все-таки возникло после 1900 лет галута, свидетельствует о выживании еврейского народа вопреки векам преследований и о присутствии Бога в истории. Если даже государство прекратит свое существование, это не изменит того "чуда", которое видело наше поколение. Далее, те, кто по-прежнему доверяют словам пророков, знают, что государство выживет.⁹¹ Еще одно возможное возражение связано с ответственностью человека за свои решения. Нельзя согласиться с тем, что если Бог с самого начала даровал человеку свободу, то человек в конечном счете ответственен за злоупотребление этой свободой. Именно Бог сотворил зло, прямо или косвенно. Как может Бог быть источником морали, если в данном случае Он не несет моральной ответственности? К примеру, в бизнесе управляющий всегда отвечает за действия своего представителя. По-другому эту дилемму можно описать следующим образом:

1. Бог несет ответственность за все, что Он создал в мире, в том числе и за свободу человека.
2. Свобода человека послужила причиной возникновения нравственного зла в мире.
3. Следовательно, Бог ответственен за то, что в мире появилось нравственное зло.⁹²

* "Оправдание Бога". Философско-богословская доктрина, основным назначением которой является стремление оправдать Бога как Творца и правителя мира вопреки существованию темных сторон бытия, согласовать наличие зла на земле с представлением о Боге как об абсолютном добре. Термин был введен Лейбницем в одноименном трактате (1710) (Здесь и далее примеч. пер.)

* Телеология – философское идеалистическое учение, согласно которому во всем происходящем есть некая цель, смысл.

Дистеология – доктрина, отрицающая существование такой цели, смысла.

* Эли Визель – известный еврейский писатель и философ, лауреат Нобелевской премии мира (1986г.) Подростком он прошел через лагеря смерти, где потерял самых близких людей – мать, отца, младшую сестру. После войны оказался в числе сирот Бухенвальда, которых приняла Франция. В 1948–1951 годах Э. Визель учился в Сорбонне, глубоко изучал французский язык, на котором написал практически все свои произведения. В 1963 году Визель получил американское гражданство, стал профессором Бостонского университета, преподавал Библию и еврейскую историю. Среди его книг – романы, сборники эссе, несколько работ о Библии, Талмуде и религиозных учителях восточноевропейского еврейства. В автобиографическом повествовании "Ночь", первой части трилогии "Ночь. Рассвет. День", Визель пишет о геноциде еврейского народа. Тема Катастрофы присутствует также в других его произведениях.

* Мартин (Мордехай) Бубер (1878–1965) – один из ярких мыслителей нашего столетия, в творчестве которого соединились исследование основ иудаистской традиции, опыт религиозной жизни и современное философское мышление. Учился в Вене, Цюрихе, Берлине. В 1923 году вышла в свет книга "Я и Ты", принесшая ему мировую славу. В 1923 г. занял кафедру еврейской философии во Франкфуртском университете. Вместе с Ф. Розенцвейгом осуществил новый перевод Пятикнижия на немецкий язык. В 30-е годы переехал в Палестину. С 1938 г. преподавал социальную философию в Иерусалимском университете. В 1960–1962 гг. Бубер стал президентом Израильской академии наук. В 1963 г. в Амстердаме ему была вручена Эразмовская премия. В 1946 году он составил двухтомное собрание хасидских легенд. Последняя его крупная работа – "Происхождение и сущность хасидизма" (1960).

* В иудаизме это называется эстер паним – "сокрытие лица Бога".

* Эмиль Л. Факенгейм (1916) – раввин и мыслитель, родом из Германии. С 1940 года профессор университета в Торонто. Занимается Откровением и Катастрофой. Среди его книг – "Присутствие Бога в истории", "О христианстве после Холокоста".

* Акт высочайшей преданности Богу – кидуш а-Шем, смерть, прославляющая имя Бога.

* Профессор и раввин Элиэзер Беркович – один из виднейших мыслителей нашего времени в области еврейской философии, автор многих книг по философии и теологии ("Бог, человек и история", "Главные темы в современной философии

иудаизма"), и Ѓалахе ("Сила и назначение Ѓалахи", "Учение о причинности в Ѓалахе").

* Шехина – Божественное присутствие. Иногда этот термин употребляется как синоним слова "Бог". Сам Бог – странник в этом мире. Таков смысл еврейского понятия Шхинта бе-галута – "Божье присутствие в изгнании".

[\[Заккрыть окно\]](#)